

A WESTERNER'S VIEW OF AZERBAIJANI MUGHAM ЗАПАДНЫЙ ВЗГЛЯД НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ МУГАМ

In 1971, at the very beginning of my adult life, I read a book about the Caucasus and Central Asia that made a deep impression on me. Among other things, it told of the people of Azerbaijan and their traditional music. About 18 months later, I had the great fortune to meet an elderly man from Daghestan named Zevulon Avshalomov who played Azerbaijani mugham on the kamancha. Although his rendition of mugham was very simple - I only understood that much later - nevertheless it was very powerful, and it stirred something unspeakably deep within me. From the first moment of hearing mugham, I felt compelled to learn how to play it. Perhaps it was fortunate that my first teacher did not play in the sophisticated way that professional Azerbaijani musicians do, or I might have been too intimidated to begin the long and arduous climb up Mt. Mugham.

It was not until 1988 that I first witnessed a true master of mugham on kamancha, Mr. Adelat Vezirov, who came to the United States as part of an ensemble of singers, musicians and dancers from Azerbaijan. After 15 years of struggling to learn to play mugham in the way that my first teacher taught me, hearing Mr. Vezirov forced me to realize that mugham was a much bigger subject of study than I ever imagined. I felt compelled to take some action because I had for years been convinced that playing mugham was a part of my destiny. I wrote a letter to the proper agency in Baku, and the next year received an invitation for my first visit to Azerbaijan.

I have visited Azerbaijan eight times, each time taking advantage of the opportunity to advance my understanding of mugham. In addition, over the years, several performers of mugham had visited the United States, and whenever possible, I would study from them. Now, after more than three decades of struggle to learn this incredibly complex and nuanced traditional music, I believe that I have come to understand mugham like an Azerbaijani.

Mugham provides an uplifting experience, an exhilarating, euphoric transformation of consciousness resembling deep meditation. I lost count of the number of times over the many years of my public performances in western countries that members of the audience would relate to me their feeling that mugham was hypnotic, mesmerizing, transporting, even mildly hallucinogenic.

There is no question that mugham releases an extraordinary energy in the consciousness of the active listener. Azerbaijanis who love mugham accept this phenomenon without questioning it,

В 1971, еще в самом начале своей взрослой жизни, я прочитал книгу о Кавказе и Средней Азии. Она произвела на меня глубокое впечатление. Среди прочих вещей в книге рассказывалось об азербайджанцах и их традиционной музыке. Спустя 18 месяцев мне посчастливилось познакомиться с одним пожилым человеком из Дагестана, которого звали Зевулон Авшаломов. Он исполнял азербайджанский мугам на кяманче. Хотя его интерпретация мугама и была довольно простой - я понял это только много позже - тем не менее, она была очень яркой и взволновала меня до глубины души. С самого первого момента, как я услышал мугам, я почувствовал, что должен буду научиться исполнять его. Возможно, мне повезло, что мой первый учитель не исполнял мугам в той изощренной манере, как это делают профессиональные азербайджанские музыканты, иначе я мог бы от робости и не начать свой долгий и трудный путь на вершину горы под названием Мугам.

Лишь в 1988 я впервые увидел настоящего мастера исполнения мугама на кяманче, господина Адалята Везирова, который приехал в Соединенные Штаты в составе ансамбля певцов, музыкантов и танцоров из Азербайджана. Спустя 15 лет неустанного труда и стремления научиться исполнять мугам так, как учил меня мой первый учитель, исполнение Везирова заставило меня осознать, что мугам, на самом деле, гораздо более сложный предмет изучения, чем я мог это себе представить. Мне надо было предпринять какие-то шаги, так как на протяжении многих лет во мне крепла убежденность, что мугам - моя судьба. Я написал письмо в соответствующее агентство в Баку и уже в следующем году получил приглашение впервые посетить Азербайджан.

Я был в Азербайджане восемь раз, каждый раз пользуясь возможностью углубить свое понимание мугама. Кроме того, в течение последних нескольких лет в Соединенные Штаты приезжал ряд музыкантов-исполнителей мугама, и всегда, когда это было возможно, я учился у них. Теперь, спустя более трех десятилетий моих стараний выучиться этой невероятно сложной и полной нюансов традиционной музыке, мне хочется верить, что я, наконец, пришел к пониманию мугама по-азербайджански. Мугам вызывает возвышенные переживания, он совершает возбуждающую, эйфорическую трансформацию сознания, напоминающее состояние глубокой медитации. Я потерял счет тому, сколько раз за многие годы моих выступлений в западных странах слушатели делились со мной тем ощущением, какое производил на них мугам - гипнотизирующее, зачаровывающее, переносящее в другое измерение и даже слегка галлюциногенное.

Мугам, безусловно, несет необыкновенную энергию в сознание внимательного слушателя. Азербайджанцы, любящие мугам, воспринимают это явление как должное, считая это неотъемлемым компонентом его художественного воздействия. Для нас же, жителей Запада, кому повезло услышать мугам, это не есть нечто само собой разумеющееся; мы изумляемся этому и восхищаемся. Для некоторых из нас это действительно не что

Тогрул Нариманбеков "Мугам"

regarding that effect as an essential component of its entertainment value. For us westerners who have been lucky enough to have heard mugham, we do not take this for granted; we are astonished by it, and we marvel at it. For some of us it really is nothing less than a genuine spiritual experience. On behalf of all westerners who now love mugham, let me express our gratitude to Azerbaijan for having evolved such a wonder, a miracle in music.

Why Azerbaijan? It seems that the entire eastern world that has been culturally influenced by Islam owes much of that influence to the Islamic call to prayer, an eerie, otherworldly chant that ignores both the rules of tonality that guide all western composition, which is the harmony of intervals, and the primacy of the time signature, or regular rhythm. When this unusual form of sung prayer spread out to reach all the countries of North Africa, the Middle East, the Caucasus, and Central Asia, it met with the local indigenous folk music of those regions, and produced a wide variety of related musical traditions.

In Azerbaijan, the local folk music is an extraordinarily powerful form of singing known as the tradition of the Ashig, dating back perhaps thousands of years. High pitched, high volume, full throated mountain yodeling, rendered in the dramatic declamatory cadence of epic storytelling, the tradition of Ashig singing and playing (on saz) is an electrifying musical experience that has to be heard to be appreciated. When the chanting of the Islamic call to prayer, heavily laden with microtones that seem to

инное, как истинное духовное переживание. От имени всех западных слушателей, тех, кто полюбил мугам, я выражаю благодарность Азербайджану за это чудо в музыке.

Почему именно Азербайджан? Кажется, ислам, тем сильнейшим культурным влиянием, какое он оказал на весь восточный мир, обязан мусульманскому призыву к молитве - этому мрачному, потустороннему пению, игнорирующему оба правила сочинения музыки, принятых западными музыкантами, то есть созвучие интервалов и примат регулярного ритма.

Когда такая необычная форма поющей молитвы распространилась в странах северной Африки, Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии, она смешалась с местной самобытной национальной музыкой тех регионов и породила множество разновидностей связанных с ней музыкальных традиций, в том числе, главные формы мугама, нашедшие своё развитие здесь в Азербайджане.

В Азербайджане народная музыка, известная как ашугские напевы, составляет мощную традицию и датируется, возможно, тысячами лет. Горный йодль, поющий в высоком регистре, горловыми звуками большой силы в драматической декламационной манере эпического повествования - эта традиция ашугского пения и игры на сазе рождает электризирующее музыкальное переживание, которое надо услышать, чтобы оценить его по достоинству. Когда распев исламского призыва к молитве, полный микротонов, которые, кажется, исходят напрямую из мира невидимых сил, встретился с ашугской музыкой, из их соединения родился мугам. Мугам и в вокальном, и в сольном инструментальном исполнении представляет нечто импровизационное; тем не менее, строгое соблюдение выбранного лада и традиционного способа его развёртывания, как и невыразимый стиль, делают мугам, это уникальное явление восточной музыки, мгновенно узнаваемым.

come directly from the world of invisible forces, met with the music of the Ashig, mugham was born.

Mugham, both in song and as instrumental solo performance, is also somewhat improvisational; all the while adhering strictly to the chosen mode and its traditional progression, and the ineffable style that makes mugham instantly recognizable as a unique version of eastern music.

The melodies of mugham are not particularly 'melodic', as it were. The melodies are mostly composed of a series of tones that proceed wave-like up and down the chosen scale, and although there will be some sequences of melodic 'leap-frogging' (two up, one down) that calls to mind the intricate loops of Celtic illuminated manuscripts, primarily the sequence of tones rises and falls in an orderly, although not necessarily predictable fashion. At times, one may get the impression that the melodies of mugham may be nothing more than highly embellished exercise scales, except that to they can be highly unpredictable in the direction they take, a feature of mugham that can be intriguing to the point of utter fascination. Even after all these years of dedicated listening and increasing familiarity with the melodic structure of mugham, the sequence of notes still often surprises me and make me shake my head with a weird mix of delight and disbelief. **Ultimately, mugham is really the use of sonic energy in a musical format which is intended to have a profound effect on human consciousness, to steer consciousness away from the familiar world of ordinary human sentiment and toward something much more subtle, a sort of boost in the direction of the cosmic dimension in life.**

The musical traditions of the ancient eastern world evolved from the knowledge about the relationship between the energy of sound and states of mind. These ancient musical traditions continue to carry this knowledge forward to today, bringing to us the opportunity to feel the depth and intensity of music composed many centuries ago when spiritually powerful music shared the stage with other great works of art and monuments.

One important feature of the monophonic melodies of mugham is the inclusion of microtones, tones which form musical intervals that are in

Мугамные мелодии не являются 'мелодичными' в традиционном смысле слова. Они, чаще всего, составлены из ряда звуков, волнообразно движущихся вверх и вниз по тонам выбранного звукоряда в упорядоченной, хотя и не обязательно предсказуемой манере. Однако при этом сохраняется некоторая последовательность мелодических скачков (два вверх, один вниз), напоминающих замысловатые петли кельтских манускриптов. Иногда может сложиться впечатление, что мугамные мелодии суть не более чем орнаментально украшенные гаммы, правда, с тем исключением, что их направление может быть совершенно непредсказуемым, - особенность му-

Асаф Джафаров "Портрет кеманчиста"

гама, интригующая до степени крайней притягательности. Даже спустя все эти годы преданного слушания и углубления знаний о мелодической структуре мугама, эта последовательность звуков до сих пор удивляет меня и часто заставляет качать головой в странной смеси восторга и неверия.

В своей основе мугам, на самом деле, есть использование звуковой энергии в её музыкальном формате, предназначенное оказывать глубокий эффект на человеческое сознание, уводя его от привычного мира заурядных человеческих чувств к чему-то более утонченному, как бы поднимая его на уровень космического измерения жизни.

Музыкальные традиции древнего восточного мира развились из знания о связи энергии звука с состояниями души.

between the 12 tones on the piano. Microtones would be very dissonant when played in the context of chordal (polyphonic) music, but when used in monophonic melodies, they augment the mystical power and depth of the melody. It is a great mystery how a melody that includes the intense dissonance of microtonal intervals can have such a divergent effect on the listener, depending on the intent of the musician.

Another important feature of mugham is the meter-free rendition of the melodies. Meter free melodies have no time signature, no overt beat, no steady rhythm. With no steady rhythm to inform the musician when to play a given note, the musician must play the note, be it micro-tonal or macro-tonal, with great intent.

To answer the frequently asked question, is mugham composed or improvised, someone familiar with the genre is able to recognize which mugham is being played from listening to the first few notes. A few more notes, and they should know who is playing it. In other words, there are various schools of mugham, ranging in approach from the 'hard' school to the 'soft' school, and within these possibilities, there are individualistic approaches.

One more feature of Azerbaijani mugham that should be mentioned is the high density of ornamentation. The grace notes, slides and trills are so frequent and ubiquitous throughout all mughams that it appears to be an integral part of the music.

The unusually high density of ornamentation serves as a force multiplier for the intent of the musician. Concentrated in discrete bursts, the extra energy of the ornaments is released at strategic moments during the development of the melody, serving to elevate even further the increasingly intensifying mental state of the listener, and as with every other element of mugham, they must be intended.

At virtually every performance I have ever given that includes a question / answer session, someone invariably asks me about the profound melancholy of the minor scales, only magnified by the microtones and the wailing sound of the bow on the strings of the kamancheh, and whether that is intended too. In order for the pure energy of mugham to do its miraculous work on human consciousness, it must evoke in equal measure the two most fundamental emotional energies of joy and sorrow. Like the anode and cathode of electricity, the power of mugham to elevate and transform the human consciousness from an earthly function to a divine quality issues from the flow of energy between these two polar opposite feelings.

When the mugham musician can successfully balance these two primordial forces with his intent, the attentive listener takes off into a realm of pure magic, and when he returns to earth, he cannot believe where he has been. ♦

Jeffrey Werbock,
USA, New Jersey

Эти древние музыкальные традиции продолжают нести это знание и сегодня, давая нам возможность почувствовать глубину и силу музыки, созданной много веков тому назад, когда эта духовно мощная музыка делила арену с другими великими формами искусства. Важную особенность одноголосных мугамных мелодий составляют микротоны, звуки которых образуют музыкальные интервалы, располагающиеся между 12 тонами фортепианного строя. Микротоны, будь они применены в полифонической музыке, очень резко диссонировали бы, но в монофонических мелодиях они лишь усиливают мистическую силу и глубину мелодии. Это великая тайна, как мелодия со столь высокой плотностью диссонирующих микро-интервалов, может, в зависимости от конкретного намерения исполнителя, оказывать столь разный эффект на слушателя.

Другая важная особенность мугама заключается в метрически свободном изложении мелодий. Мелодии со свободной метрикой не имеют ни временного деления, ни ясного размера и ни устойчивого ритма. При отсутствии устойчивого ритма, подсказывающего музыканту, когда играть ту или иную данную ноту, он, всё же, должен сыграть ее, будь она микро- или макро-тоном.

Чтобы ответить на часто задаваемый вопрос о том, сочиняется ли мугам или импровизируется, скажу, что люди знакомые с этим жанром могут распознать, какой мугам исполняется, услышав первые несколько нот. Еще несколько нот и они узнают исполнителя. Другими словами, существуют различные школы мугама, классифицирующиеся, в зависимости от подхода, как строгие и нестрогие, и внутри этих возможностей существуют индивидуалистические подходы.

Еще одна черта азербайджанского мугама, о которой следует упомянуть, - это высокая плотность орнаментации. Фиоритур, трели и глиссандо так часты и повсеместны во всех мугамах, что кажутся неотъемлемой частью музыки. Необычно густая орнаментика мелодии усиливает художественный замысел музыканта. Концентрированная в отдельных всплесках, эта дополнительная энергия орнамента включается в ответственных моментах развития мелодии для того, чтобы ещё более повысить растущее напряжение в психическом состоянии слушателя, и это, как все прочие элементы мугама, является намеренным.

Где бы я не выступал, буквально на каждом концерте, как правило, сопровождающемся вопросами слушателей и моими ответами, кто-нибудь обязательно спрашивает меня об этой глубокой печали минорных ладов, усиленной микротонами, о стонущем звуке смычки на струнах кяманчи и о том, является ли это задуманным так. Для того, чтобы чистая энергия мугама оказала свою чудодейственную силу на сознание человека, он должен пробуждать в равной степени две наиболее фундаментальные эмоциональные энергии: радости и печали. Как анод и катод в электричестве, чистая сила мугама, возвышающая и трансформирующая сознание человека от его приземленной функции до божественного, исходит из потока энергии между этими двумя полярно противоположными чувствами.

Когда исполнителю мугама удастся успешно балансировать между этими двумя основными силами, внимательный слушатель уносится в царство чистой магии и, возвращаясь обратно на землю, уже не может поверить, где он побывал. ♦

Джефффри ВЭРБОК,
США, штат Нью-Джерси